

Екатерина Мордвинцева

Екатерина Мордвинцева
Садовница для некроманта

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Садовница для некроманта / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Что может пойти не так, когда девушка, которая разговаривает с кактусами, устраивается садовницей к молодому некроманту? Абсолютно всё. Начиная с того, что она в первую же ночь нарушает главный запрет, и заканчивая тем, что случайно превращает его бывшую невесту в жабу. А между этими событиями успевает подружиться с оборотнем в кружевном чепце, выучить язык мандрагор и, кажется, влюбиться в хозяина. Дом, где после десяти начинается жизнь, — это ещё цветочки. Ягодки будут потом

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пролог

Я всегда считала, что моя судьба — быть ботаником, но не тем, который открывает новые виды в джунглях Амазонки, а тем, который умеет вовремя полить фикус и не довести его до самоубийства. Диплом, выданный мне с пометкой «выдающаяся способность не убивать даже кактусы», выглядел как комплимент, но на практике означал, что ни один серьёзный питомник, ни одна оранжерея при университете не желали иметь со мной дело. Слишком я была, по их словам, «нетравматична». Растениям нужен стресс, говорили они. Конкуренция за свет, суровые подрезки, борьба с вредителями. А я... я разговаривала с ними. Я подбирала каждому горшок под цвет листьев. Я ставила классическую музыку для кактусов, потому что в интернете кто-то написал, что Бах улучшает фотосинтез.

В общем, к двадцати четырём годам я имела блестящее образование, гору рекомендательных писем с вежливыми формулировками «усердна, но не амбициозна» и банковский счёт, на котором даже мой кот Тоша (подобранный на помойке, что многое объясняет) смотрел с укоризной. Работа в цветочном магазине на первом этаже жилого дома была, конечно, опытом, но когда тебе в четвёртый раз говорят: «Девушка, ну зачем вы этой орхидее колыбельную поёте?», начинаешь задумываться о переменах.

Перемена пришла в виде конверта.

Он лежал в моём почтовом ящике в тот день, когда я вернулась с очередного собеседования, где мне отказали с формулировкой «вы слишком... трепетны». Конверт был из плотной сероватой бумаги, запечатан сургучом — настоящим, с оттиском, похожим на перевёрнутый череп, или, может быть, на корень мандрагоры, если смотреть под определённым углом. Я тогда ещё подумала: «Ну вот, реклама очередного магического салона красоты». В нашем районе такие часто закидывали ящики, хотя магический статус города был скорее символическим — пара лавок с амулетами, гадалка на первом этаже, которая вечно жаловалась на домового, и всё.

Я вскрыла конверт, порезав палец о сургуч (проклятый сургуч! — как я узнала позже, он действительно был проклят, но в самом безобидном смысле: на него чихнул когда-то подмастерье), и достала листок. Бумага была странная — шершавая, пахнувшая сырой землёй и чем-то сладковатым, как старое вино.

«Уважаемая Элизабет!» — начиналось письмо. Дальше шло приглашение на должность главного (и, как уточнялось, единственного) садовника в частной усадьбе, расположенной «вблизи Туманных Пустошей, в границах старых охотничьих угодий». Заманчиво звучало, если честно, только «Туманные Пустоши» навевали мысли о тоскливых болотах и депрессии.

Зарплата была указана прописью, и я перечитала её трижды, потому что сначала решила, что опечатка. Сумма была такая, что я могла не работать года три, а просто сидеть, поливать фикус и размышлять о смысле жизни. Или купить Тоше домик из натурального дерева, а не картонную коробку из-под пиццы, которую он обожал.

«В обязанности входит: поддержание здоровья садовых культур, восстановление декоративных насаждений, уход за растениями с особыми магическими свойствами (опыт работы с магической флорой приветствуется, но не обязателен — всему обучим на месте). Проживание предоставляется в доме хозяина. Питание за счёт принимающей стороны. Оплата проезда до места назначения производится по прибытии.»

Всё было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я перевернула лист. На обороте мелким, но очень чётким почерком было дописано:

«Важное условие: не выходить из своей комнаты после десяти часов вечера. Нарушение данного пункта влечёт за собой немедленное расторжение договора без сохранения заработной платы и иные последствия, оговорённые в разделе 7, пункт 14а.»

Я нахмурилась. «Иные последствия» звучало как угроза. Может быть, хозяин — эксцентричный старик, который не терпит, когда ему мешают смотреть любимый сериал? Или там настолько запущенный сад, что работать приходится в ночную смену? Или это был тест на дисциплинированность? Я снова посмотрела на сумму. После десяти часов вечера я обычно смотрела обзоры на новые лопатки и читала форумы садоводов, обсуждая, можно ли поливать азалию чаем. Сидеть в комнате? Легко.

Внизу стояла подпись — витиеватая, с завитушками, и дата, которая приходилась на послезавтра. К письму прилагался железнодорожный билет. Один конец. Обратный, видимо, придётся покупать самой, если не сработаемся.

Я тогда позвонила подруге Линде, которая работала в магической канцелярии и разбиралась в этих странных «магических статусах». Линда долго молчала, потом сказала: «Туманные Пустоши — это старая территория. Там раньше обитали высшие некроманты, но сейчас вроде как всё затихло. Если это не шутка, Эли, бери. Такие деньги даже в столице не платят. Только... смотри, если там что-то не так — сразу пиши мне заклинание вызова. Я прилечу на метле, хоть и против правил».

Я заверила её, что справлюсь. Какой же там некромант? Скорее всего, какой-нибудь пожилой аристократ, который купил поместье в глуши и теперь хочет облагородить сад. А странное условие — просто причуда. В конце концов, я могла потерпеть вечернее заточение за такие деньги.

Билет был на завтрашний утренний поезд. У меня оставалось меньше суток, чтобы собраться, передать Тошу Линде (кот, услышав слово «передать», сделал вид, что умирает от чумы), подписать договор и... договор я, честно говоря, прочитала не полностью.

Вот тут-то и кроется моя главная ошибка, которую я готова признать, но без которой этой истории просто бы не существовало. Договор пришёл с письмом — плотная стопка листов, исписанных тем же мелким почерком. Я пролистала страниц десять, увидела пункты про ответственность сторон, форс-мажор (отдельно выделялись «неконтролируемые выбросы магии», «вторжение нечисти третьей степени» и «самовольное прорастание растений сквозь фундамент»), и решила, что всё это стандартные юридические страшилки для магических владений. Я подписала каждый лист, где стояла пометка «подпись», и в конце поставила размашистую закорючку. Даже не заметила, что чернила в моей ручке закончились, а перо, которым я писала, было приложено к договору и источало странный запах лаванды.

Когда я отправила договор обратно в приложенном конверте (он тоже был из плотной бумаги и, кажется, сам себя запечатал), у меня было смутное ощущение, что я только что продала душу. Но зарплата — та сумма — перевешивала любые мистические подозрения.

Утром я стояла на перроне вокзала с одним чемоданом и рюкзаком, набитым справочниками по декоративному садоводству. Поезд подали на дальнюю платформу, ту, где обычно останавливаются грузовые составы и редкие туристические маршруты в «исторические области». Вагон был старый, но чистый, с бархатными сиденьями и лампами под абажурами. Кондуктор — мужчина с лицом, похожим на засушенный гриб, — проверил билет, хмыкнул и сказал: «В Пустоши? Одна? Ну-ну. Главное, после заката из купе не выходите».

Я вздрогнула. Опять «после заката». Что за мания?

— Там же нет ничего опасного? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно.

Кондуктор пожал плечами, отчего его форма зашуршала, как осенняя листва.

— Опасного полно, но если вы по приглашению, то, может, и выживете. — Он улыбнулся, обнажив щербатые зубы. — Шучу, барышня. Езжайте спокойно.

Я забила в купе, достала книгу «Сорняки и методы их искоренения» и попыталась читать, но строки прыгали перед глазами. За окном мелькали пригороды, потом поля, потом леса, которые постепенно становились всё более мрачными, с низкими тучами и извилистыми тропами. Часа через три я заметила, что деревья начали меняться: стволы делались искривлёнными, кора — неестественно тёмной, а местами на ветвях висели ключья тумана, хотя день стоял солнечный.

Поезд замедлил ход. Станция, на которой мне предстояло выйти, называлась «Туманный узел». Табличка на перроне была выкрашена в чёрный цвет, и буквы на ней слабо светились зеленоватым. Я вышла из вагона — и меня накрыла тишина. Абсолютная, ватная тишина, какую можно услышать только глубоко в горах или в библиотеке после закрытия. Даже шаги мои по перрону звучали приглушённо, словно кто-то накрыл всё одеялом.

Станция представляла собой небольшое здание с заколоченными окнами и покосившейся крышей. Ни касс, ни киосков, ни даже скамейки. Только я, чемодан и туман, который полз с края платформы, словно боялся ступить на бетон.

Я достала письмо и перечитала последние строки: «По прибытии на станцию ожидайте экипаж. Экипаж будет подан автоматически». Автоматически? Я огляделась. Ни машин, ни карет, ни даже велосипеда.

Туман сгустился. Я начала перебирать в уме варианты: либо я сейчас буду стоять тут до ночи, либо «автоматически» означало, что экипаж придет сам, без возницы. Второй вариант почему-то казался более вероятным, учитывая общую атмосферу.

Ждать пришлось минут десять, которые тянулись бесконечно. Я уже хотела достать телефон (связи, разумеется, не было) и сделать селфи на память, как из тумана вынырнул экипаж.

Он был чёрным, с блестящими лакированными боками, без единого пятнышка грязи, хотя дорога, ведущая от станции, явно была грунтовой и мокрой. Лошади... лошадей не было. Экипаж двигался сам собой, с лёгким скрипом рессор, и остановился ровно напротив меня, открыв дверцу. Изнутри пахло кожей и сушёной лавандой — тем же запахом, что и чернила в договоре.

Я замерла. Рациональная часть моего мозга кричала: «Это магия! Настоящая, без скидок! А ну-ка развернулась и пошла обратно в поезд!» Но поезд уже ушёл. Я слышала, как его состав удаляется, затихая вдали, словно последний вздох цивилизации.

— Ладно, — сказала я вслух. — Это работа. За такие деньги можно и в экипаж-призрак сесть.

Я закинула чемодан внутрь, забралась сама, и дверца захлопнулась с мягким, почти ласковым щелчком. Экипаж тронулся, и я увидела в маленьком окошке, как туман смыкается за нами, отрезая путь назад.

Дорога была ухабистой, но экипаж шёл плавно, словно парил над выбоинами. Я сидела, прижимая к груди рюкзак, и смотрела в окно. Пейзаж менялся: сначала чахлые кустарники, потом редкие деревья с голыми ветвями, потом — кладбище. Не шутка. Целое кладбище, которое мы объезжали по широкой дуге. Надгробия торчали из земли кривыми зубами, а между ними вились светящиеся огоньки — то ли светлячки, то ли что-то менее дружелюбное.

Я зажмурилась и принялась вспоминать классификацию почв по механическому составу. Суглинки, супеси, чернозёмы... Это всегда успокаивало. Но на этот раз не помогло. В голове крутилась только одна мысль: «Куда я вляпалась?»

Спустя примерно час (или вечность) экипаж замедлил ход, и я увидела ворота. Они были огромные, кованые, с чугунными столбами, увенчанными фигурами грифонов или, может быть, каких-то других химер. Ворота были распахнуты, и за ними открывалась дорога, обсаженная старыми дубами, чьи ветви смыкались над головой, создавая тёмный тоннель.

А в конце тоннеля стоял дом.

Я ожидала увидеть мрачный замок с башнями и шпилями, но это был скорее особняк — большой, в три этажа, из тёмного камня, с высокими узкими окнами и покатой черепичной крышей. Он не выглядел заброшенным: стёкла блестели, дымоходы были целы, палисадник перед крыльцом хоть и зарос, но не дико. Просто дом имел... характер. Он словно смотрел на меня множеством окон, оценивая, стоит ли впускать.

Экипаж остановился у самого крыльца. Дверца открылась. Я выбралась наружу, чувствуя, как ноги дрожат (то ли от дороги, то ли от страха). Чемодан вылетел следом, как будто экипажу не терпелось от меня избавиться. И действительно, стоило мне схватить ручку, как карета бесшумно развернулась и укатила обратно в дубовую аллею, растворившись в тумане.

Я осталась одна перед домом.

— Ну, здравствуй, — сказала я дому. Дом не ответил, но мне показалось, что одно из окон на втором этаже дрогнуло, словно моргнуло.

Я поднялась на крыльцо. Ступени были каменными, с выщербленными краями, но чистыми. Перила — чугунные, узорчатые, холодные. Перед дверью я замялась. Звонить? Стучать? Может, здесь есть какой-то этикет для посетителей некромантических усадеб? Я уже подняла руку, чтобы постучать, как вдруг дверь открылась сама.

Бесшумно, плавно, внутрь потянуло тёплым воздухом, смешанным с запахами... пирогов и формальдегида. Аромат был настолько контрастным, что у меня закружилась голова. С одной стороны — уютная выпечка с корицей, с другой — что-то острое, химическое, напоминающее лабораторию. Или морг. Я старалась не думать о втором варианте.

Порог я переступила с мыслью: «В конце концов, я садовник, а не патологоанатом. Сад, наверное, сзади».

Прихожая оказалась просторной, с высоким потолком, на котором висела люстра из чёрного стекла, похожая на перевёрнутый букет лилий. Пол был выложен каменной плиткой, стены — тёмными деревянными панелями. Слева виднелась лестница наверх, справа — коридор, уходящий вглубь дома. Прямо передо мной, в торце прихожей, стояло массивное зеркало в резной раме, и в нём я увидела своё отражение: бледное, с растрёпанными ветром волосами, в дорожном пальто и с чемоданом, похожим на щенка, которого бросили у чужих дверей.

— Элизабет? — раздался голос откуда-то сверху.

Я подняла голову. На лестнице, опираясь на перила, стоял мужчина. Молодой, на вид около тридцати, с тёмными волосами, зачёсанными назад, и бледной кожей, которая казалась почти фарфоровой. Он был одет в чёрный жилет поверх белой рубашки, без пиджака, с закатанными рукавами, и выглядел так, будто только что оторвался от работы: под глазами залегли тени, на пальцах — чёрные разводы, похожие на сажу или, может быть, на землю.

— Я Джастин, — сказал он, спускаясь вниз. — Хозяин этого... дома. Вы, должно быть, та самая садовница, которая не убивает кактусы.

Я моргнула. Моя репутация, оказывается, шла впереди меня.

— Элизабет, — подтвердила я, и мой голос прозвучал пискляво, что меня ужасно разозлило. Я откашлялась. — Да, это я. Рада познакомиться.

Джастин остановился в паре шагов от меня. Он был выше, чем казалось издали, и от него пахло землёй, старыми книгами и чем-то едва уловимо-сладким — тем самым формальдегидом, что смешивался с пирогами.

— Прощу прощения за встречу, — сказал он, окинув меня взглядом, в котором, кажется, мелькнуло одобрение. — Обычно я встречаю гостей более... официально, но сегодня проводил эксперимент, и он затянулся. Вы, должно быть, устали с дороги.

— Ничего, — ответила я. — Экипаж был очень... комфортным. Без лошадей.

Джастин улыбнулся — уголками губ, быстро и как-то виновато.

— Да, автоматический экипаж. Старая семейная магия. Он иногда пугает новичков. — Он сделал шаг назад и указал рукой в сторону коридора. — Позвольте показать вам вашу

комнату? А потом, если вы не против, я расскажу о ваших обязанностях. И, разумеется, о правилах.

— О правилах, — повторила я, чувствуя, как в груди неприятно ёкнуло.

Мы прошли по коридору, миновали ещё одну лестницу (чёрную, как мне показалось), и поднялись на второй этаж. Джастин шёл впереди, и я заметила, что он старается держаться так, чтобы я не видела его спину — там, на рубашке, проступило что-то тёмное, может быть, краска или... не будем гадать.

Моя комната оказалась в конце длинного коридора, дверь — дубовая, с бронзовой ручкой в виде львиной головы. Джастин толкнул дверь, и я вошла.

Я ожидала увидеть склеп с каменным ложем и паутиной. Вместо этого меня встретила просторная, светлая (насколько это возможно в пасмурный день) комната с большим окном, выходящим в сад. Стены были оклеены обоями в мелкий цветочек, мебель — из светлого дерева, на кровати лежало пуховое одеяло, а на тумбочке стояла ваза с живыми... нет, с засушенными розами. Но они были искусно высушены, сохранив форму и даже лёгкий аромат.

— Надеюсь, вам будет удобно, — сказал Джастин, остановившись у порога. — Ванная комната — в конце коридора, но в вашем распоряжении также есть умывальник в нише. Если вам что-то понадобится, вы можете... э-э... крикнуть. Кто-нибудь услышит.

— Кто-нибудь? — переспросила я, ставя чемодан.

— У нас здесь... коллектив, — ответил Джастин с лёгкой заминкой. — Я представлю вас всем завтра. Сегодня вы, наверное, захотите отдохнуть.

Он помолчал, а потом добавил, глядя куда-то в сторону окна:

— И, пожалуйста, запомните самое важное правило. После десяти вечера не выходите из этой комнаты. Что бы вы ни услышали — шаги, голоса, музыку, даже если вам покажется, что кто-то зовёт на помощь, — не открывайте дверь. И уж точно не спускайтесь вниз.

Его голос при этих словах стал твёрже, без тени прежней мягкости. Я кивнула, хотя внутри всё сжалось.

— Я понимаю, — сказала я. — В договоре было написано.

— Да, — Джастин снова улыбнулся, но улыбка вышла натянутой. — Договор. Вы его, кстати, подписали, не читая?

Я покраснела.

— Я... ознакомилась с основными пунктами.

— С основными, — повторил он с какой-то странной интонацией, в которой мне почудилось сожаление. — Что ж, тогда всё в порядке. Отдыхайте. Ужин будет принесён в комнату около восьми. Спокойной ночи, Элизабет.

Он вышел, и дверь закрылась за ним с тем же плавным, почтительным щелчком, что и дверца экипажа. Я осталась одна.

Первым делом я подошла к окну. Сад, который я должна была привести в порядок, открывался взору во всей своей мрачной красе. Это было не запустение — это было нечто большее. Дорожки ещё угадывались, но кусты разрослись так, что образовали живые лабиринты. Клумбы превратились в микролеса, где растения теснили друг друга. Посреди сада виднелся фонтан с высохшей чашей, а вокруг него — странные тёмные цветы, похожие на маки, но с бархатистыми лепестками почти чёрного цвета. Я присмотрелась и заметила, что ветви некоторых деревьев изогнуты неестественно, словно они росли не к солнцу, а от него, или, может быть, обвивали что-то невидимое.

Моя рука потянулась к блокноту. Я начала делать наброски, отмечая проблемные зоны, но скоро стемнело, и в саду стало трудно различать детали.

В восемь часов раздался стук. Я открыла дверь — в коридоре никого не было, но на полу стоял поднос с ужином. Суп (горячий, наваристый, с грибами), кусок запечённого мяса с овощами и пирожок с капустой. И чайник с чаем, от которого пахло мятой и чем-то ещё,

неуловимым. Я съела всё с аппетитом, которого от себя не ожидала, и почувствовала, как ко мне возвращается способность мыслить рационально.

«Всё не так страшно, — говорила я себе, убирая поднос обратно за дверь. — Просто эксцентричный хозяин, старый дом, сад в запустении. А странное условие — может, у него бессонница, и он не хочет, чтобы его видели в пижаме. Или по ночам он вызывает духов для партии в бридж. Какая разница? Я в своей комнате, меня это не касается».

Я разобрала чемодан, переоделась в пижаму (фланелевую, с изображением кактусов — подарок Линды), почистила зубы в умывальнике, задернула шторы. Часы на каминной полке (старинные, напольные, с маятником) показывали без пятнадцати десять.

Я легла в кровать. Одеяло было тёплым, подушка — мягкой, и я уже начала проваливаться в сон, как вдруг часы начали бить.

Бам. Бам. Бам.

Десять ударов.

И в этот момент дом ожил.

Сначала я подумала, что мне показалось. Но нет — где-то внизу, на первом этаже, раздался звук, похожий на то, как если бы кто-то с грохотом уронил кастрюлю. За ним последовала ругань — низкий, рычащий голос, в котором отчётливо слышалось: «Да чтоб тебя... опять эта ручка отвалилась!».

Я замерла, вцепившись в одеяло. Потом раздали шаги — тяжёлые, уверенные, кто-то прошёл по коридору под моей комнатой. Потом — другой звук, похожий на шипение масла на сковороде, и вслед за ним — цоканье, как будто по каменному полу стучали костяшки. Много костяшек.

А затем началась музыка. Негромкая, старомодная, словно играла шарманка, и под неё кто-то — или что-то — напевало фальцетом: «Тра-ля-ля, косточки мои, тра-ля-ля, ищите в раю».

Я сидела на кровати, прижав колени к подбородку, и с ужасом понимала, что моё любопытство, которое я считала давно усыпленным, проснулось и требовало ответа. Что там происходит? Кто ругается? Кто цокает? И почему пахнет пирогами, которые, кажется, только что вынули из печи, и этот запах так настойчиво лезет в щель под дверь?

Я посмотрела на часы. Десять пятнадцать.

«Не выходить из комнаты», — напомнила я себе. «Что бы ни случилось».

Но внизу кто-то захохотал — громко, заливисто, и этот смех был таким заразительным, что я невольно улыбнулась. А потом до меня донёсся ещё один звук — негромкий, похожий на звон бокалов, и голос, который я узнала.

Джастин. Он говорил что-то, но слов было не разобрать, только интонация — усталая, но с ноткой тепла.

Я встала с кровати. Подошла к двери. Прижалась ухом к дереву.

— ...Бонифаций, ты опять пересолил? — это был голос Джастина, звучащий отчётливее.

— Ни в коем случае, сэр! — ответил кто-то с дребезжанием, похожим на стук ложек. — Это слёзы клиента. Они всегда солёные.

— Какого клиента? — удивился Джастин.

— Того, что в третьем горшке слева. Плачет уже третий день. Я собираю слёзы для соуса. Я отпрянула от двери. «Слёзы клиента»? Какие клиенты? В горшках?

Логика боролась с любопытством, и любопытство, как это часто бывает, побеждало.

«Я только посмотрю одним глазком, — сказала я себе. — Из-за угла. Никто не узнает. Я же садовник, я имею право знать, какие... э-э... клиенты обитают в доме. Вдруг они опасны для растений?»

Оправдание было настолько смехотворным, что я сама себе не поверила, но ноги уже несли меня к двери. Я осторожно приоткрыла её — в коридоре было темно, но внизу, у лестницы, мерцал слабый свет.

Я сделала шаг. Потом ещё один.

И в этот момент я нарушила единственное правило, о котором меня предупреждали дважды — в договоре и лично.

Спустя много месяцев я иногда думаю: а что, если бы я не вышла? Если бы послушалась и просидела всю ночь в своей уютной комнате с кактусами на пижаме? Тогда бы я не узнала, что в доме живёт скелет-повар, оборотень в накрахмаленном переднике, призраки-критики, которые пишут рецензии на всё подряд, и ещё дюжина существ, о которых не пишут в учебниках по садоводству.

Но, с другой стороны, я бы не встретила Джастина по-настоящему. Не увидела бы его таким, каким он бывает после десяти вечера — уставшим, но счастливым, среди его странной, шумной, нелепой семьи.

Так что, наверное, я всё сделала правильно.

Даже если в ту самую первую ночь, когда я кралась по коридору, босая, в пижаме с кактусами, с лопаткой для сада в руке (единственное, что попало под руку), я была абсолютно уверена, что меня сейчас уволят, проклянут и, возможно, закопают в том самом саду, который мне предстояло возродить.

Но об этом — следующая глава.

А пока... десять часов вечера. И жизнь в доме некроманта только начиналась.

Глава 1

Проснулась я от того, что в окно кто-то стучал.

Стук был настойчивым, ритмичным и, судя по звуку, исходил не от ветки — ветки стучат иначе, с паузами, с сожалением, как будто извиняются за беспокойство. Здесь же стучали с чувством собственного достоинства: тук-тук-тук, пауза, снова тук-тук-тук. Я приоткрыла один глаз, потом второй. Шторы я вчера не задернула — луна, что ли, помешала? — и теперь в комнату лился серый утренний свет, такой густой, что, казалось, его можно было резать ножом. Или садовым секатором, что в моей профессии было ближе.

Стук повторился. Я села на кровати, путаясь в одеяле, и уставилась на окно. За стеклом, на фоне бледного неба, покачивалась ветка. Обычная ветка. Ничего необычного. Но стучала она не потому, что дул ветер — ветра не было, я проверила по занавескам, они висели неподвижно, — а потому, что на её конце сидела ворона. Огромная, чёрная, с нахальными глазами-бусинами, и клювом долбила по стеклу с видом налогового инспектора, которому задолжали три отчётных периода.

— Кыш, — сказала я хриплым голосом. Ворона наклонила голову, оценила меня и продолжила стучать.

Я вздохнула. Мой первый день на новой работе начинался так же странно, как и вчерашний вечер заканчивался. А вчерашний вечер, надо сказать, закончился тем, что я, нарушив главный запрет, просидела у двери в позе испуганного суслика целых полчаса, вслушиваясь в голоса внизу, пока логика наконец не взяла верх над любопытством. Я вернулась в кровать, долго лежала с открытыми глазами, анализируя услышанное: ругань низким голосом, цоканье, похожее на костяшки, дребезжащий фальцет, запах пирогов... Всё это складывалось в картину настолько невероятную, что я отмела её как «галлюцинации на почве усталости и грибного супа». В конце концов, если у человека дома живёт скелет, он не будет кормить приходящую садовницу супом, верно? Верно. Наверное.

Сейчас, при свете дня, я была полна решимости смотреть на вещи рационально. Во-первых, я садовник, и моя зона ответственности — сад, а не то, что творится в доме после десяти. Во-вторых, хозяин, Джастин, производил впечатление человека воспитанного и, возможно, слегка эксцентричного, но не опасного. Эксцентричные аристократы имеют право на странные увлечения. Может, у него там театральный кружок по ночам? Или он записывает подкаст о некромантии? В конце концов, в наше время каждый ищет самовыражения.

Ворона стукнула в шестой раз, и я сдалась.

— Ладно, я поняла, я встаю.

Она удовлетворённо каркнула и улетела, оставив на стекле жирный след от клюва. Я побрела умываться, размышляя о том, что в нормальных домах ворон на окнах не бывает. Но мой новый дом, судя по всему, не был нормальным. И с этим предстояло жить.

Умывальник в нише оказался вполне современным, хоть и с латунными кранами, которые издавали жалобный скрип, будто их пытали в прошлой жизни. Я привела себя в порядок, надела простые брюки, рубашку и удобные ботинки — садовые, проверенные, в которых я выстояла не одну смену в питомнике. Волосы собрала в хвост. В зеркальце над умывальником отразилась девушка с решительным выражением лица и тёмными кругами под глазами (сказалась бессонная ночь), и я одобрительно кивнула самой себе. Справлюсь.

Когда я вышла в коридор, то первым делом обратила внимание, что днём дом выглядел... почти уютно. Свет проникал сквозь высокие окна, падая на деревянные панели полосами, в которых танцевали пылинки. Коридор был длинным, с многочисленными дверями, большинство из которых были закрыты, но одна — в самом конце — приоткрыта, и оттуда доносился

запах кофе. Настоящего, свежесваренного кофе, такого, который пахнет не просто напитком, а обещанием, что день пройдет не зря.

Я двинулась на запах, но не успела сделать и трёх шагов, как дверь слева от меня распахнулась, и оттуда вылетело... нечто.

Я не успела рассмотреть, что именно, потому что «нечто» было стремительным, серым и, кажется, вооружённым шваброй. Оно промчалось мимо меня с лёгким рычанием, сбilo с тумбочки вазу (ваза, к счастью, оказалась металлической и только звонко брякнула), и исчезло за поворотом, оставив после себя запах влажной шерсти и хозяйственного мыла.

Я стояла, прижавшись к стене, и пыталась переварить увиденное. Серое, крупное, на четырёх лапах... или на двух? Мне показалось, что на двух, но в движении сложно было разобрать. Швабра, кстати, была настоящая, с длинной ручкой и ярко-жёлтой насадкой.

— Элизабет? — раздался голос снизу. Джастин. — Вы уже встали? Поднимайтесь, завтрак готов.

Я решила, что о случившемся спрошу позже. Может быть, у них здесь просто очень быстрая уборка. И швабры сами по себе летают. Это же магический дом, в конце концов, чего я ожидала?

Завтрак подавался в маленькой столовой на первом этаже — комнате, которая, в отличие от мрачной прихожей, оказалась светлой и почти уютной. Стол был накрыт на двоих: белая скатерть, фарфор, серебряные приборы. В центре стояла ваза с... я пригляделась. С засушенными розами. Те же самые, что и в моей комнате, только здесь их было больше, целый букет, и они были искусно закреплены в вазе так, что казались живыми, если не присматриваться.

Джастин ждал меня у окна, держа в руке чашку кофе. Сегодня он выглядел почти нормально: тёмные волосы аккуратно причёсаны, белая рубашка свежая, поверх — чёрный жилет. И галстук-бабочка. Настоящий, чёрный, шелковый, завязанный идеальным бантом. Я даже залюбовалась — в наше время мало кто умеет завязывать бабочку, все покупают готовые на резинке. А этот был явно ручной работы.

— Доброе утро, — сказал он, оборачиваясь. Я заметила, что круги под глазами стали ещё темнее, чем вчера, будто он вообще не ложился. Но голос был бодрым, движения — плавными. — Как спалось?

— Спасибо, хорошо, — соврала я, усаживаясь за стол. — А у вас здесь... интересно.

— Интересно? — он поднял бровь. — В каком смысле?

Я замялась, но любопытство пересилило.

— Утром в коридоре я встретила... э-э... уборщика. Очень быстрого. Серого.

Джастин поставил чашку на блюдце с тихим звоном. На его лице промелькнуло выражение, которое я не смогла идентифицировать — то ли досада, то ли смущение.

— Ах да, Вольфганг, — сказал он с нарочитой небрежностью. — Мой дворецкий. Он иногда... торопится. Прошу прощения, если напугал. Он очень ответственно относится к своим обязанностям, особенно по утрам, когда нужно убрать следы ночной... э-э... жизни.

— Вольфганг, — повторила я. — Красивое имя.

— Он оборотень, — сказал Джастин так, будто сообщал, что на улице идёт дождь. — Волк. Но очень воспитанный, не беспокойтесь. Просто у него с утра иногда просыпаются инстинкты, и он начинает носиться по коридорам, как... ну, как волк. Я пытался его отучить, но бесполезно.

Я моргнула.

— Оборотень, — сказала я медленно. — В роли дворецкого.

— И горничной, — добавил Джастин. — Он предпочитает, чтобы его называли «дворецкий», но по факту он делает всё. Уборка, стирка, глажка, присмотр за порядком. У него потрясающее чувство чистоты. Когда он в ярости, он может вылизать пол до зеркального блеска, а в переносном смысле — выгрызть недостатки из любого, кто посмеет бросить бумажку мимо

урны. Но вы не бойтесь, он очень добрый. Особенно если вы не против, когда он трогает ваши вещи — он любит раскладывать всё по цветам и размерам.

Я вспомнила серый силуэт со шваброй. В голове не укладывалось: огромный волк-оборотень в переднике? Или без передника? Я решила, что лучше не уточнять.

— А вчера вечером, — осторожно спросила я, намазывая маслом тост (масло было свежим, домашним, с хрустящей корочкой), — там, внизу... я слышала голоса. И музыку.

Джастин вздохнул. Он отставил чашку и посмотрел на меня с выражением человека, который знает, что разговор неизбежен, но всё равно надеялся отложить его до завтра.

— Элизабет, — начал он, — я должен был рассказать вам вчера подробнее. Но вы устали с дороги, и я подумал, что лучше сделать это утром, когда вы отдохнёте. Дом, в котором вы будете жить и работать, не совсем обычный. В нём, помимо меня, обитают... существа. Нелюди. Нечисть, если пользоваться простонародным термином, хотя я предпочитаю слово «сотрудники».

— Сотрудники? — переспросила я.

— Да. Вольфганг вы уже знаете. Есть ещё Бонифаций — повар. Он скелет. — Джастин сказал это так же спокойно, как до этого «оборотень». — Очень талантливый повар, между прочим. Его пироги с капустой — лучшие на несколько миль вокруг. Вы их вчера ели.

Я подавилась тостом. Пирог с капустой. Который я съела с таким аппетитом. Приготовленный скелетом.

— И... — Джастин, кажется, решил добить меня окончательно, — есть ещё трое призраков. Бывшие литературные критики. Они живут в библиотеке и иногда выходят по вечерам, чтобы... критиковать. Всё подряд. Вчера они, кажется, обсуждали, как вы держите лопату.

— Я ещё даже не брала в руки лопату! — возмутилась я.

— Они критикуют априори, — развёл руками Джастин. — Это их природа.

Я отложила тост и уставилась на него. В голове царил хаос. Оборотень-дворецкий. Скелет-повар. Призраки-критики. И всё это живёт в доме молодого некроманта, который сейчас сидит напротив меня в идеально завязанной бабочке и пьёт кофе, как будто это в порядке вещей.

— А вы, — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал, — вы... некромант? В смысле, настоящий?

— Настоящий, — подтвердил он. — Я оживляю мёртвых. Не пугайтесь, я не поднимаю армии зомби и не устраиваю тёмных ритуалов. Моя специализация — малая некромантия. Бытовой уровень. Я помогаю душам обрести покой, поддерживаю связь с ушедшими, иногда консультирую по вопросам наследства, когда покойник не оставил завещания, но его мнение всё ещё важно. А также... — он запнулся, — я пытаюсь восстановить один сад.

— Сад, — эхом отозвалась я.

— Да. Тот самый, который вам предстоит привести в порядок. Точнее, я надеялся, что вы поможете мне с растениями, а я — с... э-э... магической составляющей. Сад у нас непростой. Он был посажен моей матерью много лет назад, а после её смерти пришёл в упадок. Я пытаюсь его возродить, но одними некромантическими методами не обойтись. Мне нужен живой садовник. С руками. И с дипломом, где написано, что вы не убиваете даже кактусы. Это важное качество для работы с нашей флорой.

— Наша флора, — повторила я. — То есть растения тоже... необычные?

Джастин улыбнулся — впервые по-настоящему, без тени усталости.

— Вы быстро схватываете. Да, растения тоже необычные. Но об этом я расскажу вам в саду, после завтрака. Если вы, конечно, не передумали работать.

Я посмотрела на него, потом на свой недоеденный тост, потом в окно, за которым виднелся сад — запутанный, дикий, полный странных силуэтов. И почувствовала, как внутри поднимается знакомая волна. Не страха. Азарта. Давно я не чувствовала азарта садовника.

— Я не передумала, — сказала я. — Но у меня будет много вопросов.
— Ожидаемо, — кивнул Джастин. — Я постараюсь ответить на все.

Сад встретил меня запахами. Это было первое, что я отметила, когда мы вышли из задней двери особняка. Запахи были сложными, многослойными: сырая земля, прелая листва, что-то сладкое, приторное, как перезрелые фрукты, и одновременно — острое, пряное, с нотками... мяты? Полыни? Я принялась, пытаюсь разобрать ароматическую гамму, и чуть не споткнулась о корень, выпиравший из дорожки.

— Осторожнее, — сказал Джастин, подхватывая меня под локоть. — Здесь дорожки коварные. Корни любят вылезать, куда не надо.

Я глянула вниз. Корень был толщиной с мою руку, извилистый, тёмно-коричневый, и тянулся от ближайшего дерева — огромного дуба с раскидистой кроной, которая, казалось, перекрывала полнеба. Но дерево было... странным. Я присмотрелась. Листья на нём были не зелёными, а серо-зелёными, с серебристым отливом, и они не висели, как положено, а торчали вверх, словно пытались что-то разглядеть в небе.

— Это дуб-страж, — пояснил Джастин, заметив мой взгляд. — Он не совсем обычный. Его посадила мать, когда я родился, чтобы он оберегал дом. Со временем он... приобрел некоторые свойства.

— Например? — спросила я, делая шаг назад. Дуб определённо выглядел так, будто он мог бы что-то сделать, если бы захотел.

— Например, он не любит, когда его трогают без разрешения. И иногда сбрасывает жёлуди на головы тем, кто ему не нравится. Но вы ему, кажется, понравились. Он не сбросил.

Я подняла голову. Дуб молчал. Но мне показалось, или одна из ветвей чуть-чуть наклонилась в мою сторону, как будто приглядываясь?

— Пойдёмте дальше, — сказал Джастин, и мы двинулись по дорожке, которая вилась между кустами, цветниками и клумбами, утратившими всякую форму.

Я включила профессиональный режим. Сразу стало видно, что сад был когда-то великолепен. Каменные бордюры, хоть и растрескавшиеся, сохранили геометрию. Фонтан в центре, о котором я вчера думала, оказался не просто фонтаном, а целой композицией: три каменные нимфы держали чашу, из которой когда-то, наверное, была вода. Сейчас чаша была сухой, и в ней росли какие-то странные мхи, светящиеся слабым зеленоватым светом.

— Это не мхи, — сказала я, наклоняясь. — Это лишайники. Но они не должны светиться.

— Они не должны, — согласился Джастин. — Но они питаются остаточной магией. Их очень трудно вывести, но они и не вредят. Просто... добавляют атмосферы.

Я сделала мысленную пометку: «изучить вопрос со светящимися лишайниками». Потом мы пошли дальше, и я начала замечать всё больше странностей.

Вот куст роз. Огромный, выше меня ростом, весь в бутонах. Но бутоны были не красные и не белые, а тёмно-бордовые, почти чёрные, и они... шевелились. Без ветра. Просто покачивались, как будто внутри каждого билось маленькое сердце.

— Розы, — сказала я, остановившись.

— Да, — Джастин подошёл ближе. — Это особый сорт. Моя мать вывела их, скрестив обычную розу с... ну, с одним растением, которое лучше не называть вслух. Они очень капризные. Любят, чтобы с ними разговаривали. И предпочитают латынь.

Он подошёл к кусту, наклонился к ближайшему бутону и что-то прошептал. Я не разобрала слов, но интонация была мягкой, убаюкивающей, почти нежной. Бутон дрогнул, потом медленно, с видимым удовольствием, начал раскрываться. Лепестки разворачивались один за

другим, и в воздухе разлился аромат — тяжёлый, сладкий, с нотками... чего-то знакомого. Формальдегид? Нет, нет, показалось.

— Они откликаются, — сказал Джастин, выпрямляясь. — Не все, но многие. Некоторые, к сожалению, оглохли за годы запустения. Или озлобились. Есть куст, который шипит, когда к нему приближаешься. Я пытался с ним договориться, но он упёртый.

— Шипит? — переспросила я. — Как змея?

— Как чайник, который вот-вот закипит, — уточнил Джастин. — Но, думаю, он просто хочет внимания. Вы как садовник, возможно, найдёте к нему подход.

Я посмотрела на куст. Он выглядел вполне мирно, но я решила пока не проверять.

Дальше дорожка привела нас к грядкам, на которых росли... я прищурилась. Овощи? Вроде бы овощи. Но морковь здесь была фиолетовой и, кажется, шевелила ботвой, как щупальцами. Тыквы лежали не на земле, а висели на высоких стеблях, как странные оранжевые плоды. А горох... горох оплетал специальные шпалеры, но стручки на нём были с синими прожилками и тихо позвякивали, как колокольчики.

— Это экспериментальный участок, — сказал Джастин, заметив мой взгляд. — Я пытался вырастить культуры, которые могли бы питаться не только солнцем и водой, но и магией. Частично успешно. Морковь, например, очень полезна — в ней в три раза больше витаминов, чем в обычной. Правда, перед употреблением её нужно оглушить, иначе она кусается.

— Кусается, — механически повторила я.

— Зубами, — добавил Джастин. — У неё во рту. Не переживайте, зубы маленькие. Но если вы будете её выдёргивать, держите крепче и лучше в перчатках.

Я поняла, что мой блокнот с вопросами придётся расширить раза в три.

Мы обошли почти весь сад. Джастин показывал мне клумбы, которые когда-то были образцовыми, а теперь превратились в буйные заросли, где растения боролись за место под солнцем (и, судя по всему, не только под солнцем). Я делала пометки, фотографировала на телефон (связи не было, но камера работала), прикидывала объём работы. Он был колоссальный. Но не это меня беспокоило.

Меня беспокоило то, что сад был не просто запущен. Он был... странно живым. Растения двигались. Не все и не всегда, но я ловила краем глаза движения, которые не могла объяснить. Вот куст жимолости, только что стоявший смирно, вдруг потянулся веткой к соседнему дереву, словно хотело обнять. Вот газон под ногами вздохнул — я почувствовала, как трава колыхнулась, хотя я стояла на месте. А в одном месте, когда мы проходили мимо старого пня, поросшего мхом, я отчётливо услышала вздох. Долгий, печальный, как у человека, которого забыли навестить.

— Это пень-плакун, — сказал Джастин, не оборачиваясь. — Он вздыхает, когда мимо проходят. Не обращайтесь к нему, он просто хочет, чтобы его пожалели. Если погладите, он успокоится.

Я не стала гладить пень. Но отметила про себя, что в этом саду, похоже, все хотят внимания.

Мы вернулись к фонтану, и Джастин предложил присесть на каменную скамью, стоявшую в тени дуба-стража. Скамья была холодной, но чистой — Вольфганг, видимо, добрался и сюда.

— Ну что, — спросил Джастин, доставая из внутреннего кармана жилета маленький блокнот и карандаш. — Каковы первые впечатления?

Я задумалась. Профессиональная гордость требовала ответить что-то вроде «работы много, но я справлюсь». Но любопытство, которое вчера заставило меня выйти из комнаты, требовало другого.

— Скажите, — начала я, — почему вы ищете садовника именно сейчас? Сад запущен не один год. И условия... ну, вы сами знаете: не выходить из комнаты после десяти. Вы боитесь, что я что-то увижу? Или что-то увидит меня?

Джастин отложил блокнот. Он посмотрел на сад, потом на небо, потом на свои руки, лежащие на коленях.

— И то, и другое, — сказал он наконец. — Понимаете, Элизабет, мой дом... он необычен не только днём. Ночью он живёт своей жизнью. Вольфганг, Бонифаций, призраки — они активизируются после заката. Это их время. Они работают, общаются, иногда... шумят. Я не хочу, чтобы вы случайно наткнулись на них в коридоре и испугались. Хотя, судя по тому, что вы уже знаете, испугаться вы, наверное, не успели.

— Не успела, — призналась я. — Но мне было любопытно.

— Любопытство — это хорошо, — он улыбнулся краешком губ. — Но в нашем случае оно может быть опасно. Не потому, что мои сотрудники опасны — они совершенно безобидны, если не считать того, что Бонифаций иногда забывает, что его кости могут отвалиться, а Вольфганг в полнолуние становится немного... импульсивным. Дело в другом. В саду, особенно ночью, происходят процессы, которые я пока не научился контролировать. Растения, которые днём кажутся просто странными, ночью могут вести себя... агрессивно. Или, наоборот, привлекать к себе. Я не хочу, чтобы вы пострадали.

— А вы? — спросила я. — Вы же ходите по ночам?

— Я — некромант, — просто сказал он. — И это мой дом. Магия, которая здесь действует, меня узнаёт. Вас — пока нет. Поэтому — никаких прогулок после десяти. Даже если вы услышите крики или, не дай бог, пение.

— Пение? — я подняла бровь. — Пение чем страшнее криков?

— Призраки поют, когда у них хорошее настроение, — сказал Джастин с таким лицом, будто вспомнил что-то травматическое. — У них нет слуха. Абсолютно. В прошлый раз, когда они затянули «Аве Марию», у Бонифация рассыпался позвоночник, а Вольфганг выл три часа, пытаясь заглушить. Я еле успокоил. С тех пор я прошу их петь только в звуконепроницаемой комнате, но они иногда забываются.

Я не сдержала улыбки. Картина была слишком яркой: скелет, рассыпающийся от пения призраков, и оборотень, воющий в унисон.

— А вы, — спросила я, — вы не поёте?

— Я? — Джастин выглядел искренне удивлённым. — Нет. Я предпочитаю слушать. И контролировать, чтобы никто не пострадал. Это моя работа.

Он замолчал, и я вдруг заметила, как сильно он устал. Тени под глазами, бледность, лёгкая сутулость, которую он старался скрыть. И бабочка — идеальная, безупречная, словно он надевал её, чтобы выглядеть собранным, даже когда внутри всё разваливается.

— Джастин, — сказала я, и он впервые, кажется, услышал, как я называю его по имени без обращения «мистер». — Я не боюсь. Ни вашего дома, ни ваших... сотрудников. Ни сада. Я согласна работать. Но я хочу, чтобы вы пообещали мне одну вещь.

Он поднял бровь.

— Какую?

— Если однажды я всё-таки нарушу запрет, — сказала я, глядя ему прямо в глаза, — не выгоняйте меня сразу. Дайте шанс объясниться.

Он помолчал. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Обещаю. Но, Элизабет, постарайтесь не нарушать. Ради вашей же безопасности.

— Постараюсь, — сказала я.

И в тот момент я действительно верила, что смогу. Я сидела на каменной скамье, под дубом-стражем, в саду, где розы шептались на латыни, и чувствовала, что попала в место,

где могу быть полезной. Не просто садовником, который поливает и подрезает. А кем-то, кто поможет этому странному, усталому мужчине и его не менее странной семье обрести покой.

Или хотя бы привести в порядок газон.

Мы вернулись в дом, и Джастин показал мне сарай с инструментами — старый, но крепкий, где на стенах висели секаторы, лопаты, грабли и ещё десяток предметов, назначение которых я не смогла определить с первого взгляда. Там же стояли мешки с удобрениями, часть из которых была подписана «компост из светлячков» и «зола мандрагоры». Я взяла на заметку, что с удобрениями нужно будет разобраться отдельно.

— Приступайте когда угодно, — сказал Джастин, оставляя меня. — Если возникнут вопросы — я в лаборатории, это в восточном крыле. Или спросите Вольфганга, он знает всё.

— Даже про растения? — удивилась я.

— Особенно про растения, — с непроницаемым лицом ответил Джастин. — Он их... нюхает. У него отличный нюх. Он может определить, чего не хватает кусту, просто по запаху. Удивительно, правда? Оборотень-агроном.

Я представила себе Вольфганга, обнюхивающего розы, и поняла, что в этом мире возможно всё.

Джастин ушёл, а я осталась в саду. Солнце стояло в зените, отбрасывая резкие тени, и сад выглядел почти обычным. Почти. Я взяла секатор (проверила лезвия — острые, ухоженные, явно не ржавели годами), надела перчатки и подошла к первому объекту — кусту роз, который, по словам Джастина, шипел.

Куст стоял смиренно. Я обошла его, осмотрела. Побеги сухие, листья скручены, на нескольких ветках виднелись признаки какой-то болезни — чёрные пятна, которые я раньше не встречала. Я протянула руку, чтобы отогнуть ветку и рассмотреть пятно поближе, и в этот момент куст зашипел.

Звук был именно таким, как описывал Джастин: змеиный, но с металлическим оттенком, как если бы змея проглотила чайник. Я отдёрнула руку. Куст затих.

— Ладно, — сказала я вслух. — Не хочешь, чтобы я тебя трогала? Может, просто поговорим?

Я присела на корточки напротив куста, на уровне его «глаз» — хотя глаз у него, конечно, не было, но я почему-то чувствовала, что он меня видит.

— Меня зовут Элизабет, — сказала я. — Я садовник. Я здесь, чтобы помочь вам и всем остальным стать лучше. Я не буду делать больно, если вы не будете делать больно мне. Договорились?

Куст молчал. Я ждала. Ветер шевелил листья, но куст не шевелился.

— Я понимаю, что тебя, наверное, давно никто не трогал, — продолжила я. — И ты привык защищаться. Но если я не обрежу сухие ветки, ты заболеешь. Тебе это нужно?

Тишина. Я уже хотела встать, когда куст... вздохнул. Не зашипел, а именно вздохнул, как тот пень-плакун, только тише. И одна из его ветвей, та, что была совсем сухой, медленно наклонилась ко мне, словно предлагая себя.

Я осторожно, стараясь не делать резких движений, взяла секатор и срезала сухую ветку. Куст дрогнул всем телом, но не зашипел. Я срезала ещё одну, потом третью. Когда я закончила, куст казался меньше, но здоровее.

— Вот видишь, — сказала я, вставая. — Было не больно.

Куст шевельнул листьями, и мне почудилось, что это был кивок.

Я улыбнулась. Первый пациент был принят.

День тянулся долго. Я работала, не поднимая головы, переходя от одного растения к другому. Обрезала сухие ветки, выпалывала сорняки (некоторые из них тоже пытались сопротивляться: один сорняк с белыми цветами трижды вырывался из рук и пытался убежать, пока я

не прижала его лопатой), рыхлила землю, записывала, что где растёт и что требует срочного вмешательства.

К вечеру у меня гудели спина и руки, но чувство удовлетворения было таким, какого я не испытывала давно. Сад, конечно, был безумным. Растения вели себя так, словно учились жить заново. Но в этом было что-то... правильное.

Вернувшись в дом, я столкнулась с Вольфгангом. Вблизи он оказался не таким страшным, как мелькнувшая утром тень. Огромный, под два метра ростом, с широкими плечами и узкой талией, он был одет в серую ливрею с белым фартуком, накрахмаленным до скрипа. Лицо у него было... ну, волчье. Вытянутая морда, жёлтые глаза, острые уши. Но выражение лица было обиженным, как у кота, которого долго не гладили.

— Вы сегодня много шумели в саду, — сказал он голосом, который я слышала ночью — низким, рычащим, но сейчас в нём не было агрессии, только укоризна. — Я думал, вы там дрались с кем-то.

— С сорняками, — сказала я. — Один пытался убежать.

Вольфганг фыркнул. Это прозвучало как лай, но я не испугалась.

— Убегающие сорняки — это ерунда, — сказал он. — Вот в прошлом году один куст шиповника перелез через забор и ушёл в лес. Я его три дня искал. Хозяин переживал.

— Переживал?

— Он за каждый куст переживает, — сказал Вольфганг с неожиданной теплотой в голосе. — Поэтому и нанял вас. Чтобы вы за ними смотрели, а он бы... ну, он бы занимался своими делами. Только вы, пожалуйста, не обижайте их. Они хорошие. Просто... нервные.

— Я не обижаю, — сказала я. — Я разговариваю с ними.

Вольфганг посмотрел на меня с интересом.

— Разговариваете? — переспросил он. — А они отвечают?

— Шиповник шипит, — сказала я. — А розы кивают.

— Это хорошо, — одобрил Вольфганг. — Значит, вы им нравитесь. Бонифаций! — рявкнул он вдруг в сторону кухни. — Ужин готов? Гостья работает весь день, ей есть надо!

Из кухни донёсся дребезжащий голос:

— Сейчас, сейчас! Суп почти доварился! И не ори, я кости не рассыпал!

Вольфганг закатил глаза (это было эффектно, учитывая их жёлтый цвет) и сказал мне:

— Ужин будет через десять минут. Хозяин просил передать, что сегодня вы ужинаете с ним. В малой столовой. Он хочет обсудить план работ.

Я кивнула и пошла в свою комнату — переодеться, умыться, привести себя в порядок. Проходя мимо лестницы, я бросила взгляд вверх, где вчера слышала голоса. Сейчас там было тихо. Но я знала, что через несколько часов, когда часы пробьют десять, дом снова оживёт.

И в этот раз я обещала себе не выходить.

Очень обещала.

Даже если услышу пение.

Глава 2

Моя комната, как я успела заметить ещё вчера, была островком уюта в этом доме. Сегодня, вернувшись с ужина (Джастин оказался не только вежливым, но и внимательным собеседником — он расспрашивал о моём плане работ, делал пометки в своём блокноте и ни разу не усмехнулся, когда я назвала шипящий куст «пациентом с пограничным расстройством»), я наконец смогла рассмотреть её как следует.

И чем дольше я смотрела, тем больше находила деталей, которые говорили о том, что эту комнату готовили специально. Не просто выделили свободную спальню, а именно подготовили для жилого человека. Для меня.

Во-первых, обои. Мелкий цветочный принт — бледно-голубые незабудки на кремовом фоне — был явно не в стиле остального дома, где преобладали тёмные тона и тяжёлые текстуры. Кто-то потратил время, чтобы поклеить их ровно, без пузырей и заломов. Во-вторых, шторы. Льняные, почти белые, они пропускали достаточно света, чтобы комната не казалась склепом, но были достаточно плотными, чтобы скрыть то, что творится за окном после заката.

Мебель была старинной, но ухоженной. Кровать с высоким изголовьем из светлого дуба, на которой лежало пуховое одеяло в пододеяльнике с вышивкой — крошечные васильки, сделанные, судя по стежкам, вручную. Письменный стол у окна, на котором стояла настольная лампа с абажуром из зелёного стекла — такие я видела в старых фильмах, где профессора пишут диссертации до рассвета. Платяной шкаф, внутри которого пахло лавандой, и в нём уже висело несколько пустых вешалок. Комод с резными ящиками, на котором стоял кувшин с водой и таз — видимо, на случай, если я не захочу идти в общую ванную. И, конечно, камин. Маленький, изразцовый, с чугунной решёткой, в котором аккуратно были сложены дрова. Я проверила — дрова были сухими, а в коробке рядом нашлись спички.

— Здесь кто-то очень старался, — сказала я вслух, обращаясь, сама не зная к кому.

Ответом мне было молчание. Но я чувствовала, что в этой комнате есть... присутствие. Не пугающее, скорее наблюдательное. Как будто кто-то стоял за моей спиной и следил, нравятся ли мне.

Я обернулась. И встретила взглядом с портретом.

Он висел на стене слева от кровати, в тяжёлой позолоченной раме, которая смотрелась здесь странно — слишком богато для этой скромной, уютной комнаты. На портрете была изображена женщина. Молодая, лет тридцати, с тёмными волосами, уложенными в сложную причёску, и большими грустными глазами. Она была одета в траурное платье — чёрное, с высоким воротником и кружевными манжетами, — и в руках держала букет цветов. Цветы были странными: длинные стебли, тёмно-бордовые бутоны, похожие на те, что росли в саду, и тонкие, изогнутые листья, напоминающие языки пламени.

Я подошла ближе. Художник был талантлив: лицо женщины казалось живым, а глаза — они действительно следили. Я сделала шаг влево — взгляд переместился. Шаг вправо — и снова он смотрел прямо на меня.

— Вы, наверное, его мать, — сказала я портрету. — Джастин говорил, что сад посадила она. И эти розы... они похожи.

Портрет молчал, но мне показалось, что женщина чуть склонила голову. Оптическая иллюзия, конечно. Или игра света.

— Я буду заботиться о вашем саду, — сказала я. — Обещаю. Он не заслужил запустения.

Я не знаю, почему я разговаривала с портретом. Может быть, потому, что в этом доме все разговаривали со всем — с розами, с пнями, с воронами на окнах. Может быть, потому, что взгляд женщины был таким печальным, что молчать было неловко. А может быть, я просто начинала привыкать к местным порядкам.

Портрет не ответил. Но когда я отошла, мне почудилось, что в комнате стало чуть теплее.

Я решила, что первым делом нужно разобрать инструменты. Чемодан с вещами я оставила на потом — одежды у меня было немного, всё практичное, для работы в саду. А вот инструменты были моей гордостью. Не те, что висели в сарае (к ним я ещё присмотрюсь), а мои собственные, личные, которые я собирала по крупицам за годы учёбы и недолгой работы в питомнике.

Я достала из рюкзака футляр с секаторами. Три штуки: маленький, для тонких веток, средний, универсальный, и большой, для тех случаев, когда растение решает, что оно важнее садовника. Каждый был наточен и смазан специальным маслом — ритуал, который я совершала каждую неделю, даже когда не работала.

Потом пошли лопатки. Маленькая ручная, для рыхления вокруг корней; посадочная, с узким лезвием; и совок, который я когда-то купила на ярмарке ремесленников и который был так хорош, что я боялась его пачкать. Сегодня я им пользовалась — убегающий сорняк был побеждён именно им.

Ножницы для травы, грабли-веер для аэрации, пульверизатор с регулируемой насадкой. И моя гордость — определитель растений, который я сама составляла три года, с засушенными образцами, заметками на полях и вклеенными фотографиями. В него я заносила всё, что встречала в питомниках, оранжереях и однажды — в заброшенном саду за городом, где нашла куст с серебряными ягодами, который никто не мог идентифицировать.

Я разложила всё на письменном столе, любовно провела пальцем по лезвию секатора (острый, как бритва — в самый раз), и почувствовала, что готова к любым вызовам. Даже к саду, где растения шепчутся на латыни.

Последним предметом, который я извлекла из рюкзака, была папка. В ней лежали документы, которые Джастин передал мне вчера вечером, когда я уже собиралась подниматься к себе. «Инструкция по уходу за ночецветами и прочими флористическими объектами, обладающими магическими свойствами», — гласил титульный лист. Написано было от руки, каллиграфическим почерком, с множеством пометок на полях — уже другими чернилами, более бледными, и почерком Джастина, как я теперь узнавала.

Я устроилась в кресле у камина (кресло оказалось неожиданно удобным, с высокой спинкой и подлокотниками, на которых виднелись следы когтей — Вольфганг, определённо, тоже любил это место), пододвинула лампу поближе и открыла папку.

Первые страницы были посвящены общей классификации. Оказывается, магические растения делились на три категории: «флора виталис» — те, что питаются обычными способами, но имеют магические свойства; «флора некротис» — те, что существуют за счёт магии смерти, разложения или памяти; и «флора аномалис» — те, что не подпадают ни под одну из категорий, потому что никто не понял, как они работают.

Большая часть сада Джастина, судя по описанию, относилась к первой и второй категориям. Но был отдельный раздел, озаглавленный «Ночецветы (предположительно, флора аномалис)», и он был исписан мелким почерком с такой плотностью, что у меня зарябило в глазах.

Я углубилась в чтение.

«Ночецвет (лат. *Noxflora suspiciosa*) — растение, предположительно выведенное матерью, леди Элеонорой Блэквуд, в ходе экспериментов по скрещиванию обычной ночной фиалки с субстанцией, которую мы не будем здесь называть из соображений этики и безопасности. Растение отличается следующими свойствами:

1. Цветёт исключительно в тёмное время суток, причём пик цветения приходится на период с полуночи до трёх часов ночи. Бутоны имеют свойство светиться слабым синим светом,

интенсивность которого зависит от настроения растения (да, настроение — термин, используемый условно, но другого подходящего слова я не нашёл).

2. Реагирует на присутствие живых существ. В присутствии человека, испытывающего сильные эмоции, ночецвет может раскрыться преждевременно, что чревато выделением пыльцы, вызывающей временные зрительные галлюцинации (обычно безобидные, но однажды Вольфганг после инцидента в оранжерее три дня видел розовых единорогов и отказывался их выгонять из столовой).

3. Требуется полив не водой, а настоем из полыни и лунного камня (рецепт прилагается). Частота полива — раз в три дня, но перед этим необходимо убедиться, что растение «просит». Признаки: поникание листьев, тусклое свечение бутонов, тихий свист (если свист переходит в ультразвук, с поливом нужно срочно, иначе растение может лопнуть).

4. Размножение — черенками, но только в фазу убывающей луны. Черенки необходимо срезать серебряным секатором (лежит в третьем ящике лаборатории), иначе материнское растение может обидеться и перестать цвести на сезон.»

Я оторвалась от текста и посмотрела в окно. За стеклом уже сгущались сумерки. Значит, где-то в саду сейчас раскрываются ночецветы, светятся синим и, возможно, свистят, если их давно не поливали.

Инструкция была составлена человеком, который любил свои растения до самозабвения. Каждая строчка дышала заботой, тревогой и лёгким отчаянием человека, который пытается управлять тем, что по определению не хочет управляться. Я вспомнила Джастина за ужином: он рассказывал о плане работ, жестикулировал вилкой, и на мгновение его лицо стало живым, молодым, без той маски усталой вежливости, которую он носил днём.

— Я справлюсь, — сказала я портрету. — Я буду с ними разговаривать. Я буду их поливать. Я даже, если понадобится, буду их уговаривать не лопаться.

Портрет молчал, но мне показалось, что в углах губ женщины мелькнуло подобие улыбки.

Я перелистнула несколько страниц, нашла раздел, посвящённый розам, и сделала пометку в своём блокноте: «Выяснить, на каком языке разговаривает шипящий куст. Возможно, ему не нравится латынь. Попробовать английский. Или молчаливое присутствие. Некоторые растения просто хотят, чтобы их видели».

Часы на каминной полке показывали половину десятого. Я взглянула на них с некоторой опаской — эти часы были напольными, старыми, с маятником, который тихо, но настойчиво отсчитывал секунды. Они напоминали мне о том, что скоро наступит время, о котором меня предупреждали дважды.

Я закрыла папку, убрала инструменты в ящик письменного стола (на всякий случай, хотя воров в доме с оборотнем-дворецким я не опасалась), переоделась в пижаму — ту самую, с кактусами, которая, казалось, была моим талисманом спокойствия. Почистила зубы, умылась, заплела волосы в косу.

Потом подошла к окну и задернула шторы. Плотнo, без зазора. Я не хотела видеть сад ночью. По крайней мере, не в первую ночь, когда я дала себе слово не нарушать запрет.

В девять сорок пять я легла в кровать. Одеяло было тёплым, подушка — идеальной мягкости, и я чувствовала, как усталость после первого рабочего дня наваливается на меня тяжёлой, приятной тяжестью. Но спать я не собиралась. Я хотела проверить.

Я хотела услышать.

Потому что, несмотря на все обещания, которые я дала себе и Джастину, любопытство было сильнее. Не настолько, чтобы выходить из комнаты — нет, это было бы глупо. Но достаточно, чтобы лежать с открытыми глазами и ждать, когда часы начнут бить.

Десять минут до десяти. Я смотрела на потолок, где играли тени от уличных фонарей (или от чего-то ещё, что светило в саду), и думала о том, что успела узнать за один день.

Оборотень-дворецкий, который любит раскладывать вещи по цветам и размерам. Скелет-повар, который собирает слёзы клиентов для соуса. Призраки-критики, которые пишут рецензии на всё, включая манеру держать лопату. Сад, где растения шепчутся, шипят, вздыхают и, возможно, мечтают.

И Джастин. Некромант в галстук-бабочке, который разговаривает с розами на латыни и составляет инструкции по уходу за ночесцветами с такой нежностью, будто это его дети.

Я вспомнила его лицо, когда он рассказывал о матери. Не вчера, в саду, а сегодня, за ужином, когда я спросила о портрете.

«Леди Элеонора была замечательным садовником, — сказал он, глядя в свою тарелку. — Она понимала растения. Не так, как понимают учёные, которые изучают их под микроскопом. Она понимала их как... как друзей. Она знала, когда грустно вот этому кусту, а когда этот цветок хочет, чтобы его пересадили на другое место. Я унаследовал дом, сад и её дневники. Но не её талант. Поэтому я ищу помощников».

«Поэтому вы наняли меня», — сказала я.

Он поднял глаза, и в них было что-то, чего я не смогла прочесть.

«Я нанял вас, потому что у вас есть диплом, где написано, что вы не убиваете даже кактусы. Это очень редкое качество. Моя мать тоже не убивала».

Я не знала, был ли это комплимент. Но решила считать, что да.

Пять минут до десяти. Я села на кровати, подтянув колени к подбородку, и уставилась на дверь. Та была плотной, дубовой, с бронзовой ручкой в виде львиной головы. Лев смотрел в коридор, и у него был такой вид, будто он знает что-то, чего не знаю я.

«Если услышите крики или, не дай бог, пение — не выходите», — сказал Джастин. Я вспомнила, как он произнёс это, и невольно улыбнулась. Было в его предупреждении что-то... домашнее. Не как у начальника, который устанавливает правила, а как у человека, который заботится о том, чтобы новый сотрудник не испугался и не сбежал.

Три минуты. Я прислушалась. В доме было тихо. Не той пустой тишиной, которая бывает в заброшенных зданиях, а тишиной ожидания. Как перед спектаклем, когда занавес ещё закрыт, но за кулисами уже слышны шаги и шёпот.

Две минуты. Я перевела взгляд на портрет. Женщина в траурном платье смотрела на меня. Я вдруг подумала: а что, если она выходит из портрета ночью? Ходит по коридорам, проверяет, всё ли в порядке? Сажает розы, поливает ночесцветы, вздыхает над садом, который когда-то был её гордостью?

«Не выходи из комнаты», — мысленно сказала я себе. — «Даже если увидишь призрака с граблями».

Одна минута. Маятник часов отсчитывал последние секунды. Я задержала дыхание.

Бам.

Первый удар. Звук был густым, глубоким, он, казалось, шёл не из часов, а из самых стен, из фундамента, из земли под домом.

Бам. Второй.

Я считала. Третий. Четвёртый. Пятый. Шестой. Седьмой. Восьмой. Девятый.

Бам. Десятый.

И в этот момент свет в коридоре погас.

Я это почувствовала раньше, чем увидела. Сначала исчезла тонкая полоска света под дверью — та, что была всегда, даже ночью, потому что в коридоре горели тусклые бра. Потом до меня дошло, что настольная лампа в моей комнате, которую я забыла выключить, вдруг начала мерцать. Я повернулась к ней. Лампа мигнула раз, другой, третий — и погасла.

Я осталась в темноте. Абсолютной, густой, такой, в которой не видно собственной руки, даже если поднести её к лицу.

Тишина. Несколько секунд абсолютной тишины, когда я слышала только своё сердце — слишком громко, слишком часто.

А потом дом ожил.

Сначала я услышала шаги. Тяжёлые, размеренные, где-то внизу, на первом этаже. Кто-то прошёлся по коридору — я узнала этот шаг: Вольфганг. Дворецкий-оборотень начинал свою ночную смену.

Потом — звон посуды. Не грохот, как вчера, когда упала кастрюля, а аккуратный, деловой звон. Кто-то расставлял тарелки, переставлял кастрюли, и я почти видела, как Бонифаций, скелет в поварском колпаке, колдует над плитой, а его кости тихо постукивают в такт каким-то своим ритмам.

Затем — голоса. Неразборчивые, но явно человеческие. Вернее, человеческие по интонации — по тону, по паузам, по смешкам. Я прислушалась. Трое. Один говорил басом, второй — тенором, третий — высоким, почти женским голосом. Призраки-критики. Они обсуждали что-то с большим воодушевлением, и мне показалось, что я разобрала слово «декоративность».

Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и чувствовала, как во мне борются две силы. Страх — вязкий, тянущийся из детства, когда я боялась темноты и монстров под кроватью. И любопытство — острое, жгучее, которое шептало: «Выйди. Посмотри одним глазком. Никто не узнает».

Я сжала одеяло и прошептала в темноту:

— Не выйду. Я обещала.

Но дом, казалось, решил проверить мою решимость.

Снизу донёсся звук, который я не могла идентифицировать. Что-то среднее между скрипом несмазанной двери и стоном. Потом — шорох, как будто по каменному полу тащили тяжёлую ткань. Потом — смех. Негромкий, мелодичный, женский.

Я вцепилась в одеяло так, что побелели костяшки. Женский смех. В доме, где, кроме меня, не было живых женщин. Если не считать портрета.

— Это просто призраки, — сказала я вслух, чтобы услышать свой голос. — Джастин говорил, их трое. Может, среди них есть женщина. Или мужчина с высоким голосом. Всё нормально.

Смех повторился, теперь ближе. Казалось, он доносился с лестницы, прямо под моей комнатой.

Я сползла с кровати. Не к двери — к камину. Там, на полке, стояла коробка спичек. Я нащупала её в темноте, чиркнула — спичка загорелась, осветив комнату жёлтым, дрожащим светом. Я поднесла её к дровам, сложенным в камине, и с облегчением увидела, что они занялись быстро, с лёгким треском.

Огонь в камине был не просто источником света. Он был чем-то живым, тёплым, настоящим. В его свете комната перестала быть пугающей. Обои с незабудками снова стали уютными, кресло — привычным, портрет — просто портретом.

Я перевела дух и села на пол перед камином, поджав ноги.

— Я не выйду, — сказала я портрету. — Но послушать я могу, да?

Портрет молчал, но мне показалось, что женщина на нём чуть заметно кивнула.

Снизу доносились звуки. Теперь я различала их лучше: Вольфганг что-то ворчал, Бонифаций отвечал ему дребезжащим голосом, призраки спорили о чём-то с азартом биржевых брокеров. Потом раздался звук, похожий на то, как если бы кто-то открыл бутылку шампанского, и вслед за ним — одобрительный гул голосов.

— У них там праздник, — сказала я вслух. — Или просто ужин. Да, наверное, просто ужин. Все любят ужинать.

Я вспомнила, что Бонифаций сегодня готовил что-то особенное — я видела в коридоре, как он нёс в столовую огромное блюдо под крышкой. Джастин сказал, что по пятницам они собираются все вместе. «Все», видимо, означало всех.

— А я сижу здесь, — сказала я себе. — Потому что так надо. Потому что я обещала. Потому что мне платят баснословные деньги, и я не хочу их потерять.

Звуки снизу постепенно стихали. Шаги, голоса, звон посуды — всё становилось тише, удалялось, словно обитатели дома перемещались в другую часть здания. Потом я услышала музыку. Не ту, что вчера — шарманку с фальцетом. Другую. Медленную, тягучую, словно кто-то играл на виолончели, а стены дома служили резонатором.

Музыка была красивой. И грустной. Она поднималась снизу, просачивалась сквозь половицы, обволакивала комнату, и я чувствовала, как она трогает что-то внутри — что-то, что я обычно прятала глубоко, под слоями «я справлюсь» и «всё нормально».

Я не заметила, как начала плакать.

Тихо, без всхлипов, просто слёзы потекли по щекам, и я не могла их остановить. Не от страха. От чего-то другого, что я не могла назвать. Может быть, от одиночества, которое я отрицала последние три года. Может быть, от осознания, что я нахожусь в чужом доме, среди чужих существ, и единственный человек, с которым я могу поговорить, — это некромант с тёмными кругами под глазами, который, возможно, тоже чувствует себя одиноким в этой странной, шумной, нелепой семье.

Я вытерла слёзы тыльной стороной ладони и посмотрела на портрет. Женщина в траурном платье смотрела на меня. Мне показалось, что в её глазах появилось что-то новое. Не осуждение, не любопытство. Понимание.

— Простите, — сказала я ей. — Я не должна была.

Портрет молчал, но огонь в камине чуть качнулся, словно кто-то вздохнул.

Я подбросила ещё одно полено, вытерла лицо, нашла на тумбочке платок (кто-то предусмотрительно положил его там — Вольфганг? Джастин?) и высморкалась. Потом встала, подошла к кровати и забралась под одеяло.

Снизу всё ещё доносилась музыка. Но теперь она казалась не грустной, а убаюкивающей.

Я закрыла глаза и вдруг поняла, что нарушила запрет. Не тот, о котором говорил Джастин, — я не выходила из комнаты. Я нарушила другой, более древний, более важный. Я позволила себе почувствовать.

«Это опасно», — подумала я, проваливаясь в сон. — «В доме некроманта нельзя быть уязвимой».

Но музыка играла, камин потрескивал, и я засыпала с ощущением, что за мной кто-то присматривает. Не Джастин. Не Вольфганг. Кто-то, кто был здесь задолго до них всех. Кто-то, кто любил этот сад, этот дом и, возможно, понимал, каково это — быть одной в чужом месте.

Последнее, что я услышала перед тем, как сон окончательно забрал меня, был тихий голос. Женский. Он сказал: «Спи, девочка. Завтра будет новый день».

Я не знаю, почудилось мне это или нет. Но в ту ночь мне приснился сад. Не тот, запущенный и дикий, а другой — цветущий, ухоженный, полный света. И женщина в траурном платье ходила между грядками, поправляя бутоны и улыбаясь.

А когда я проснулась утром, камин догорел, оставив горку золы, портрет висел на своём месте, а на тумбочке стояла чашка горячего чая с мятой. И записка.

Я взяла её дрожащими пальцами. Почерк был знакомым — Джастин.

«Доброе утро. Вольфганг принёс вам чай. Он сказал, что вы вчера поздно легли и что у вас опухшие глаза, поэтому лучше заварить что-то успокаивающее. Не спрашивайте, как он узнал — он всё чувствует запахом. Если вы готовы, после завтрака мы продолжим осмотр сада. Сегодня я покажу вам оранжерею. Там растут самые... интересные экземпляры.

P.S. Вы хорошо держались. Я знаю, что вчера было страшно. Но вы не вышли. Я ценю это».

Я перечитала записку три раза. Потом отпила чай — мятный, с мёдом, идеальной температуры.

— Он знает, — сказала я портрету. — Он знает, что я слушала. И что плакала. И он не сердится.

Портрет не ответил. Но мне показалось, что женщина на нём улыбается.

Я вздохнула, допила чай и начала собираться. Сегодня предстояла оранжерея. И если сад был странным, то оранжерея, судя по тону Джастина, обещала быть чем-то совершенно особенным.

Я посмотрела на портрет в последний раз перед выходом.

— Спасибо, что были со мной, — сказала я.

И мне показалось, или в воздухе действительно запахло розами?

Глава 3

Следующий день прошёл в саду. Я вышла на рассвете, вооружившись секатором, лопаткой и новыми знаниями из инструкции, и провела несколько часов, приводя в порядок участок возле фонтана. Работа была тяжёлой, но благодарной. Шипящий куст роз, которого я мысленно окрестила «мистер Шип», позволил обрезать ещё несколько сухих веток и даже не зашипел, а только тихо вздохнул, когда я закончила. Мандрагоры на грядке вели себя прилично — я полила их настоем полыни (рецепт нашла в инструкции, ингредиенты — в сарае) и услышала, как они тихонько замурлыкали. Да, мурлыкали. Как котята. Я решила пока не задаваться вопросом, как у растений может быть голосовой аппарат, и просто наслаждаться моментом.

Джастин появился около полудня. Он был в садовых перчатках и старой рубашке с закатанными рукавами, без привычного жилета и бабочки, и выглядел от этого почти обычным человеком. Почти — потому что даже в таком виде он умудрялся держаться с той лёгкой, старомодной элегантностью, которая, как я начинала понимать, была частью его натуры.

— Вы сегодня рано, — сказал он, подходя к клумбе, где я боролась с особо упрямым сорняком. — Я думал, вы будете отдыхать после вчерашнего.

— Я не умею отдыхать, — честно призналась я, выдёргивая сорняк с корнем. Тот возмущённо пискнул и затих. — Если я вижу, что что-то растёт не туда, мои руки начинают чесаться.

Джастин улыбнулся.

— Это ценное качество. Моя мать тоже не могла сидеть на месте, когда видела, что растениям нужна помощь.

Мы немного поработали вместе. Джастин оказался не самым умелым садовником — он путал лопату с тяпкой и полил мандрагоры дважды, за что был вознаграждён недовольным шипением, — но его энтузиазм был искренним. Он рассказывал о каждом растении, называл их по именам (у некоторых были настоящие имена: «Глория», «Старый Ворчун», «Мисс Фиалка»), и в его голосе звучала такая нежность, что я чувствовала себя почти свидетельницей чьей-то личной, очень трогательной тайны.

После обеда он показал мне оранжерею. Она находилась за домом, в отдельном каменном здании, и была... необычной. Стекланные стены и потолок пропускали много света, но растения внутри были такими, каких я не видела ни в одном ботаническом саду. Здесь росли ночевцы — их горшки стояли на специальных подставках, а сами растения напоминали папоротники с синими прожилками и крошечными бутонами, которые днём были плотно закрыты. Здесь же обитали несколько экземпляров, которых Джастин называл «экспериментальными» и о которых говорил шёпотом, словно они могли его услышать и обидеться.

— Это попытка скрестить обычную розу с мандрагорой, — сказал он, указывая на горшок с растением, которое выглядело как роза, но имело корни, напоминающие человеческие пальцы. — Результат... нестабилен. Иногда он цветёт, иногда плачет. Один раз он спел арию из оперы. Я до сих пор не знаю, откуда он её выучил.

Я смотрела на это чудо ботаники и чувствовала, как моя профессиональная гордость сражается с профессиональным ужасом. С одной стороны, это было гениально. С другой — совершенно безумно.

— Джастин, — спросила я, когда мы вышли из оранжереи, — ваша мать была... необычным человеком?

Он помолчал, глядя на сад.

— Она была гением, — сказал он наконец. — И немного безумной. В хорошем смысле. Она видела мир не так, как все. Для неё каждое растение было личностью, со своим характером, желаниями и страхами. Она разговаривала с ними, спорила, иногда ссорилась. Однажды

я застал её за тем, что она читала лекцию кусту крыжовника о важности фотосинтеза. Крыжовник, кстати, после этого стал расти в два раза быстрее.

Я не смогла сдержать улыбки.

— Вы похожи на неё, — сказала я.

Джастин удивлённо поднял бровь.

— Правда?

— Вы разговариваете с розами на латыни. Вы называете растения по именам. Вы написали инструкцию по уходу за ночесцветами в тридцать страниц, где на каждой странице есть приписка «пожалуйста, не обижайте растение». Это не похоже на человека, который относится к ним просто как к объектам.

Он смотрел на меня долгим, изучающим взглядом, и я вдруг почувствовала, что сказала что-то важное. Что-то, что он, возможно, не слышал от других.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Это... много для меня значит.

Мы вернулись в дом, и Джастин ушёл в лабораторию — у него там, по его словам, «начинался процесс, который нельзя прерывать». Я поднялась к себе, приняла душ (общая ванная оказалась чистой, но полной странных флаконов с надписями вроде «шампунь для шерсти» и «кондиционер для костей»), переоделась и села за стол, чтобы записать наблюдения за день.

К девяти вечера я закончила. За окном темнело, шторы были задернуты, камин — затоплен. Я надела пижаму, забралась в кровать с инструкцией по уходу за ночесцветами (мне предстояло изучить ещё раздел о размножении) и приготовилась к очередной ночи взаперти.

Но в этот раз я была спокойнее. Я знала, что внизу — Вольфганг, Бонифаций и призраки. Я знала, что они не опасны. Я знала, что Джастин где-то рядом, в своей лаборатории, и что он, возможно, тоже работает допоздна, потому что ночь — лучшее время для некромантии. Или для того, чтобы догнать то, что не успел сделать днём.

Я знала, что после десяти дом оживёт. И я была к этому готова.

Или мне так казалось.

Часы пробили десять. Свет в коридоре погас — я уже привыкла к этому и даже не вздрогнула. Камин горел ровно, отбрасывая на стены танцующие тени. Я устроилась поудобнее, подоткнула одеяло и приготовилась слушать.

Внизу раздались привычные звуки. Шаги Вольфганга — тяжёлые, размеренные. Звон посуды — Бонифаций начинал готовить ужин для «ночной смены». Голоса призраков — они сегодня спорили о чём-то с особым азартом, и я разобрала слово «метафора».

Я улыбнулась в темноту. Это было почти уютно. Как если бы ты живёшь в квартире над пекарней — снизу всегда есть жизнь, запахи, звуки, и это не пугает, а, наоборот, успокаивает. Ты не одна. Ты часть чего-то большего, даже если пока не участвуешь в этом.

Я уже начала засыпать, когда произошло то, что заставило меня открыть глаза.

Часы на каминной полке показывали 22:15.

И в этот момент под моей дверью раздалось шарканье.

Я замерла. Шарканье было странным — не похожим на шаги Вольфганга. Тот ходил уверенно, тяжело, с расстановкой. Это же было... неловким. Кто-то словно волочил ноги, спотыкался, задевал пол.

А потом раздался звон.

Звон посуды. Громкий, резкий, с металлическим отзвуком, как если бы упала целая стопка тарелок. И вслед за ним — ругань. Приглушённая, но отчётливая.

— Да чтоб тебя... опять эти тарелки... везде эти проклятые...

Голос был низким, рычащим, и я узнала его. Вольфганг. Но в его голосе было что-то, чего я раньше не слышала. Не усталость и не ворчливость, а настоящая, искренняя злость. И боль.

Я села на кровати. Сердце заколотилось где-то в горле.

«Не выходи, — сказала я себе. — Ты обещала. Джастин сказал, что нельзя».

Но ругань продолжалась, и теперь в ней слышалось что-то ещё. Какое-то отчаяние, что ли? И звук — звук, похожий на то, как если бы кто-то пытался подняться с пола, но не мог, скользил, падал снова.

Я вскочила с кровати. Мозг лихорадочно работал, предлагая варианты. Вольфганг — оборотень, он огромный, сильный. Что могло заставить его упасть? Что могло рассыпать посуду, которую он, судя по всему, нёс? И почему он так злится?

«Не твоё дело, — шептал голос разума. — Ты садовник. Твоя зона ответственности — растения. Всё остальное — не твоё».

Но другой голос, более древний, более упрямый, говорил: «Кому-то нужна помощь. Ты же слышишь».

Я оглядела комнату в поисках оружия. Не потому, что я собиралась нападать, а потому, что идти в тёмный коридор, где неизвестно что происходит, с голыми руками было глупо. Секатор? Слишком острый, можно пораниться самой. Лейка? Несерьёзно. Моя лопатка для сада — маленькая, ручная, с деревянной ручкой и металлическим лезвием — лежала на столе, где я оставила её после вечерней чистки.

Я схватила её. Она удобно легла в руку — не слишком тяжёлая, но и не игрушечная. Лезвие было острым, я наточила его сегодня утром. В крайнем случае можно было хотя бы напугать.

Я подошла к двери. Лев с бронзовой ручкой смотрел на меня с выражением, которое я истолковала как «ну, ты и дура».

— Знаю, — прошептала я ему. — Но я не могу не проверить.

Я приоткрыла дверь. Сначала на щёлочку, чтобы посмотреть, что в коридоре.

Коридор был тёмным. Но не абсолютно — в конце, у лестницы, горел слабый свет. Свет был странным, мерцающим, и отбрасывал длинные тени на стены. Я прислушалась. Ругань прекратилась, но теперь я слышала тяжёлое, прерывистое дыхание. Кто-то дышал с усилием, как после долгого бега.

Я открыла дверь шире и выглянула.

В коридоре никого не было. Пусто. Только тени, только мерцающий свет вдали. Я сделала шаг, потом другой. Ботинки я не надела — была босиком, и холодный каменный пол неприятно холодил ступни. Но возвращаться за обувью было поздно.

Я двинулась к лестнице. Лопатку я держала перед собой, как нож, хотя понимала, как это, наверное, глупо выглядит. Девушка в пижаме с кактусами, с садовой лопаткой наперевес, крадётся по коридору дома некроманта.

«Если меня сейчас кто-то увидит, я умру от стыда, — подумала я. — Это будет даже страшнее, чем любой монстр».

Я дошла до поворота. Лестница была уже близко, и свет стал ярче. Я осторожно заглянула за угол.

И увидела его.

Внизу, у подножия лестницы, на полу сидела фигура в накрахмаленном переднике. Передник был белым, идеально выглаженным, с аккуратными складками — таким, какие носят горничные в старых английских фильмах. Но надет он был на существо, которое к горничным не имело никакого отношения.

Вольфганг.

Он сидел на полу, раскинув длинные ноги в серых брюках, и смотрел на осколки посуды, разбросанные вокруг него. Тарелки, чашки, блюдца — весь сервиз, который он, видимо, нёс, лежал теперь на каменном полу в мелких, острых кусочках.

Но не это заставило меня замереть.

Вольфганг был... другим. Днём он выглядел почти как человек — высокая фигура, широкие плечи, волчья голова, но вполне антропоморфная. Сейчас его лицо (морда?) было искажено. Не злобой — болью. Его глаза, жёлтые, с вертикальными зрачками, были широко раскрыты, а из пасти вырывалось прерывистое, хриплое дыхание. Он пытался встать — я видела, как напряглись мышцы на его руках, как он упёрся ладонями в пол, — но ноги не слушались. Они дрожали, подкашивались, и он снова оседал на пол, роняя голову.

— Проклятье, — прошептал он, и в этом шёпоте было столько горечи, что у меня сжалось сердце.

Я забыла о запрете. Я забыла о страхе. Я забыла о том, что передо мной — оборотень, который мог бы раздавить меня одним движением лапы.

Я бросилась вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени, и приземлилась рядом с ним на колени.

— Вольфганг! Что случилось?

Он поднял голову. В его глазах мелькнуло удивление, потом узнавание, потом — ужас.

— Вы? — его голос сорвался. — Что вы... вам нельзя... после десяти...

— К чёрту, — сказала я, опускаясь на пол рядом с ним. — Вы ранены? Что с вами?

Он попытался отодвинуться, но ноги не слушались. Я видела, как дрожат его руки, как он сжимает и разжимает пальцы, пытаясь справиться с непонятым приступом слабости.

— Ничего, — прорычал он, но рычание вышло слабым, жалким. — Просто... приступ. Это бывает. Особенно когда луна... — он запнулся. — Неважно. Идите в свою комнату. Сейчас...

Он попытался встать снова, но я положила руку ему на плечо. Плечо было твёрдым, как камень, но я чувствовала под ладонью мелкую дрожь.

— Не надо, — сказала я твёрдо. — Посидите. Дайте себе время.

— Я должен убрать, — он кивнул на осколки. — Хозяин не любит беспорядок.

— Хозяин, я уверена, не любит, когда его сотрудники падают в обморок на лестнице, — возразила я. — Сидите.

Я не знала, откуда во мне взялась эта твёрдость. Может быть, от того, что я видела перед собой не страшного оборотня, а просто... существо, которому плохо. Которое пытается делать свою работу, несмотря на боль. Которое стыдится своей слабости и хочет, чтобы никто не видел.

Я знала это чувство. Я сама так чувствовала, когда работала в питомнике, когда приходила на смену с температурой, потому что некому было меня заменить. Когда падала в обморок от усталости и потом врал, что просто споткнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.